

УДК 81'28

ДОМОВОЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ КРАСНОВИШЕРСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Дарья Александровна Межевая

преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mezhevaya.dasha@mail.ru

Статья посвящена анализу мифологической традиции Красновишерского района Пермского края и описанию особенностей, присущих верованиям о духе дома, бытующим на этой территории. В ходе исследования было выявлено, что комплекс представлений о домовом, отраженный в красновишерских мифологических рассказах, характеризуется достаточной сохранностью и большим сходством с общеславянскими верованиями. Это сходство проявляется в наличии в русских говорах рассматриваемой территории общеславянских названий духа дома, а также в представлениях об облике, основных функциях и действиях персонажа. При этом в мифологических текстах Красновишерского района можно встретить такое название домового, как *барабашка*, которое не входит в круг общеславянских номинаций этого персонажа и отражает особенности этой локальной традиции

Ключевые слова: Пермский край; Красновишерский район; русские говоры; народная демонология; мифологический персонаж; домовый.

Мифологическая традиция Пермского края характеризуется высокой степенью сохранности. Она отражается в текстах мифологических рассказов, которые продолжают функционировать на территории различных районов края. В ходе полевых экспедиций пермским фольклористам и диалектологам удалось собрать богатый материал, описывающий народную демонологию региона. Часть этих текстов была опубликована в таких сборниках, как «Вишерская старина», «Былички и бывальщины», «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» [Бахматов и др. 2008], «Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» [Подюков, Черных, Хоробрых 2006] и др. Пермскими учеными проводится активное изучение собранного материала, в том числе демонологической лексики региона: исследуются мотивы, отраженные в ней [Гранова 2018; Русинова, Шкураток 2018]; посредством анализа демонологической лексики выявляются основные функции и действия мифологических персонажей, присутствующих в традиции Пермского края [Кротова-Гарина, Русинова 2018]; мифологические представления жителей края сопоставляются с общеславянской традицией [Русинова, Гранова 2018].

На протяжении длительного времени пермские ученые занимались сбором лексического и текстового материала, описывающего мифологическую традицию Красновишерского района.

В настоящей статье рассматриваются представления русских жителей района о домовом. Материалом для статьи послужили тексты, хранящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С.Ю. Королёва) Пермского государственного национального исследовательского университета. Также были использованы мифологические рассказы, опубликованные в сборниках несказочной прозы «Былички и бывальщины» и «Вишерская старина». При характеристике домового как мифологического персонажа мы опирались на схему анализа, предложенную Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой и подробно описанную в работе «К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии» [Виноградова, Толстая 1994].

Домовой – «домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи» [Левкиевская 1999а: 120]. В мифологических рассказах Красновишерского района рассматриваемого персонажа чаще всего называют *домовым*. В данной номинации вербализуется представление о том, что домовый обитает в доме:

Сусидиха, домовая жила, муку сеяла. Бабушка утром муку сеяла. Слышу – сеет. Двери открыл: решето на стол бах – никого. В дому, видимо, живёт (Акчим; Материалы).

Встречаются и такие номинации, как *суседка*, *суседко*, *суседиха*:

У нас вот раньше баня была здесь на горе, и мы когда вот уйдем гулять. Я самая младшая в семье. Парни дамой убегут уже, а я потом иду одна, и всегда меня пугали: Суседка в бане поймает (Корнино; Материалы);

Случай был, с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два малюсеньких звереночка выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть суседко и суседиха (Талица; ББ: 90).

Эти номинации отражают народные представления о том, что домовый является соседом хозяев дома, живет вместе с ними. В полевых материалах также имеется текст, в котором домовый назван *барабашкой*:

Ну барабашка – это уже современное название. А в деревне суседко всё равно (Красновишерск; Материалы).

Исследователи предполагают, что появление этой номинации духа дома связано с влиянием СМИ на носителей мифологического сознания [Гарина 2017: 197].

Нередко в качестве обозначения рассматриваемого мифологического персонажа информанты используют неопределенное местоимение *кто-то*:

У нас мама прядла. Прялку оставила, а ночью слышит, кто-то прядёт (Красновишерск; Материалы);

Три года назад брат спал в старом доме, он слышал, что кто-то бегаёт, открывает двери по комнатам, чердаку (Верх-Язьва; Материалы).

Это связано с тем, что «на произнесение наименования рассматриваемого персонажа некогда налагалось табу» [Криничная 2004: 233] «с целью умиловить демона... и избежать опасности», исходящей от него [Левкиевская 1999б: 244].

Домовой, по общеславянским представлениям, способен к оборотничеству: «он может принимать облик любого члена семьи, любого животного, причем предпочитает являться в виде змеи, ласки, кошки, петуха, большой крысы» [Левкиевская 1999а: 121]. В красновишерской мифологической традиции дух дома чаще всего имеет антропоморфный облик:

[Суседко] – *мужичок с метр будет* (Акчим; Материалы); *Во сне, когда приснится, он [домовой] на человека похож. Если к добру снится, то он хорошее говорит, а если молчит, то к плохому* (Усть-Говоруха; ВС: 27–28).

Наиболее часто мифологический персонаж предстает в мужском облике:

[Суседко] – *мужичок с метр будет. Сапоги и не кирзовые, и не лаковые, борода хорошая* (Акчим; Материалы).

Однако можно встретить тексты, где он приобретает образ женщины:

Однажды такое было: сижу, значит, вечером дома одна, а в подвале слышится такой звук, будто крутится веретено. Пошла, значит, спустилась в голбец, заглянула туда, а там сидит старая-престарая седая старуха со свечкой и прядёт (Верх-Язьва; там же).

В мифологических рассказах Красновишерского района домовый нередко имеет образ старика или старухи:

Я у свекровки жила, она всё прядла. Я пробудилась, сидит старуха у месяца, прядёт (Акчим; Материалы);

Ну и вот, а у ней был отец – цыган, мать – русская. Оне по деревням ездили. Мы, говорит, едем, она это, бабка-то-цыганка рассказывала. Лошади стоят. И, говорит, какой-то дедушко <...> кормит лошадей (Красновишерск; там же).

Отметим, что представления о домовом, имеющем образ старика/старухи, являются достаточно распространенными в общеславянской традиции. Они обусловлены тем, что рассматриваемый персонаж воспринимается носителями мифологического сознания как «умерший член семьи, предок рода» или как самый старший член семьи [Левкиевская 1999а: 121]. В некоторых текстах, записанных на территории Красновишерского района, отражены народные представления о том, что дух дома – это неприкаянная душа покойника:

[А не рассказывают, почему суседка поселился в школе?] *А, скорей всего, поселился он где-то тут... на Мутихе ведь тоже много было таких людей, которые сосланные были. Возможно, где-то был захоронен кто-то... И неприкаянная душа его... могло вот такое быть, да. А может, и похоронен кто-то, а на месте этом школа построена* (Красновишерск; Материалы).

В некоторых текстах, записанных на территории Красновишерского района, упоминается, что домовый имеет *одежду*, носит *сапоги*:

Оне в одежде. Одежда, какие-то были сапоги на ём (Акчим; Материалы);

[Суседко] – *мужичок с метр будет. Сапоги и не кирзовые, и не лаковые, борода хорошая* (Акчим; Материалы).

Дух дома в красновишерской мифологической традиции также может принимать зооморфный облик:

Случай был, с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два малюсеньких зверёночка выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть суседко и суседиха (Талица; ББ: 90).

Кроме того, дух дома может предстать в образе *кошки*, *котёнка*, *ласки*:

У нас в чулане домовый повадился спать. Я туда как-то раз пришла, так он мне котёнком на шею прыг – и давай душить. Так и не пускал никого года два. Потом только перестал (Ничково; Материалы);

[Говорят, во дворе может какое-то существо жить, соседка] *Дак это зверёк, ласка* (Красновишерск; там же).

Представление о способности духа дома превращаться в кошку является достаточно распространённым в славянской традиции. Так, Е.Е. Левкиевская указывает, что дух дома «может принимать облик <...> любого животного, особенно кошки, зайца, собаки, теленка» [Левкиевская 1999а: 121]. Появление народного верования о способности домового оборачиваться кошкой может быть связано, с одной стороны, с её восприятием как воплощения нечистой силы, с другой – с представлением, что кошка может видеть представителей «нечеловеческого» мира и защищать от них человека и его дом [Гура 1999: 638]. Представления жителей Красновишерского района о способности духа дома оборачиваться лаской также находятся в рамках общеславянской традиции, где «ласка является заместителем домового; <...> считается покровительницей дома, семьи и хозяйства <...>, ласку называют домовиком, домовым, дедушкой домовым, считают, что она особо оберегает скот и обязательно должна жить в каждом дворе» [Левкиевская 2000: 300].

В ряде красновишерских мифологических рассказов образ домового не прояснен:

Я ить, парень, раньше гадать умела. А соседка меня напужала, я и перестала... Я на ночь печь не перекрестила. Лежу на кровати в темноте, а мне кто-то мохнатенький торг карты в руки, да и затоптал. Я карты бросила и к окну: шибко напугалась. Вот после этого и не гадала (Ничково; Материалы);

Мы приехали на новую квартиру три года назад. Бывало, придёшь домой ночью, и кто-то бежит по дому, шумит, а не уходит, это его дом. Потом брат поставил стакан портвейна и хлеб на печку, и больше его [домового] не было (Верх-Язьва; Материалы).

В приведенном фрагменте отражено одно из основных народных верований, связанных с обликом духа дома, – представление о наличии у него волосяного покрова: «Обычно Д. (домовой – Д.М.) имеет антропоморфный вид: <...> приземистого мужика с большой седой бородой (рус.), лохматого, обросшего шерстью (в.-слав.) желтого (в.-укр.), рыжего, черного и белого цвета (ю.-рус.), с косматыми ладонями и подошвами» [Левкиевская 1999а: 121]. В мифологической традиции Красновишерского района дух дома может иметь либо длинную бороду/волосы, либо мохнатые руки:

Сусед и суседиха, его жена. Я не спушусь в голбец – задавит, задавит. Мне этот сусед приснился во сне, борода вот так большушшая (Акчим; ББ: 91–92);

Ну барабашка – это уже современное название. А в деревне соседко всё равно. Я вот помню, кстати, мой отец испытал, говорит. Как бы спал... И говорит, рука спустилась и, говорит, кто-то меня, мол, тянет. Такая, говорит, ухватил – такая волосяная рука, говорит». Да, вот это я слышала сама от отца (Красновишерск; Материалы).

В мифологических рассказах, бытующих на рассматриваемой территории, домовый описывается как существо, имеющее рост ниже человеческого:

Случай был. Дёминская Мария Антоновна, они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Я только видела, два малюсеньких зверёночка выбежали и в избу забежали новую (Талица; ББ: 90);

[Суседко] – *мужичок с метр будет* (Акчим; Материалы); *Когда переезжала, во сне ко мне пришёл соседко. Постучался ко мне, такой чёрненький, маленький, и говорит: «Какая ты недогадливая: меня с собой не взяла»* (Акчим; Материалы).

Подобные народные верования типичны для общеславянской традиции.

Во многих мифологических рассказах Красновишерского района отмечается, что домовый обитает в каждом доме:

[Нам рассказывали, что в доме соседка живет] *Обязательно. А вы где живёте, у вас соседка, у каждого соседка есь. [А вот у вас, когда вы в своём доме жили, в деревне, тоже соседка был?] В каждой квартире соседко есь* (Красновишерск; Материалы).

Главным местом обитания персонажа, по представлениям жителей Красновишерского района, является голбец или чулан:

Я слышал, верят, соседко в голбце есть. Я хоть партейный, а знаю: он в голбце живёт, хозяина охраняет (Акчим; Материалы); *Домовой. В голбце живет. Ты будешь переезжать на другую квартиру – ты не забудь этого домового оставить* (Н. Бычино; Материалы); *У нас в чулане домовый повадился спать. Я туда как-то раз пришла, так он мне котёнком на шею прыг – и давай душить. Так и не пускал никого года два. Потом только перестал* (Ничково; Материалы).

Народное верование о том, что домовый обитает в голбце, связано с восприятием данного пространства как символа подземного мира, места, где обитает нечистая сила, к которой относится рассматриваемый мифологический персонаж [Левкиевская 2009: 103]. Существуют также поверья о том, что домовый может жить в бане:

Суседки у нас были в банях... У нас вот раньше баня была здесь на горе, и мы когда вот уйдем гулять. Я самая младшая в семье. Парни домой убегут уже, а я потом иду одна, и всегда меня пугали: «Суседка в бане поймает» (Красновишерск; Материалы).

Тексты, отражающие представления о существовании домового в бане, могут свидетельство-

вать о слиянии образов двух мифологических персонажей – домового и банника. Об этом процессе пишет Н.А. Криничная, которая указывает, что изначально образы всех домашних духов (домового, банника, овинника, хлевника) воспринимались носителями традиции как единый персонаж; позднее эти образы стали мыслиться как самостоятельные. При этом «рассматриваемый процесс дифференциации не был прямолинейно поступательным. И уже преодолевшие изначальноную слитность персонажи нередко вновь подвергались синкретизации» [Криничная 2004: 372].

В некоторых мифологических рассказах Красновишерского района фиксируется представление о том, что в доме обитают сразу два духа, один из которых имеет мужскую ипостась, а другой – женскую:

Случай был, с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два малюсеньких звереночка выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть соседко и соседиха (Талица; ББ: 90).

Об этих народных представлениях пишет Е.Е. Левкиевская: «Наряду с домовым-мужчиной в народе верят в женские ипостаси этого духа – домовиху, домовилиху, домаху. Иногда их считают женой либо дочерью домового, иногда – самостоятельным духом, мифологической хозяйкой дома» [Левкиевская 1999а: 279]. В Красновишерском районе встречаются представления о жене домового:

Сусед и суседиха, его жена. Я не спушусь в голбец – задавит, задавит. Мне этот сусед приснился во сне, борода вот так большушишая. Мужики спрашивают: «Сколько тебе лет?» Ему пятьдесят, и суседихе больше (Акчим; ББ: 91–92).

Эти народные верования связаны с представлением о том, что образ жизни домового повторяет быт деревенских семей: «Домовой не только похож на людей, у которых обитает, не только заботится о хозяйственном благополучии и ухаживает за скотиной, но и сам живет наподобие крестьянской семьи. Существовали рассказы о его жене (домеха, домовиха, иногда кикимора), которая ночью выходит из-под пола и прядет» [Померанцева 1975: 100].

В большинстве текстов Красновишерского района отмечается, что временем появления домового является **ночь**:

У нас мама пряла. Прялку оставила, а ночью слышит, кто-то прядёт. Она говорит: «Не к добру ведь мне это». У ей мужа убили в Германскую, пятеро детей осталось нас. А братья-то, четверо, поехали в Чердынь, сели на телегу и не приехали. Она со мной одной осталась (Бахари; Материалы);

*Я ить, парень, раньше гадать умела. А соседка меня напужала, я и перестала... А я на **ночь** печь не перекрестила. Лежу на кровати в темноте, а мне кто-то мохнатенький торг карты в руки, да и затоптал. Я карты бросила и к окну: шибко напугалась. Вот после этого и не гадала (Ничково; Материалы);*

*Мы приехали на новую квартиру три года назад. Бывало, придёшь домой **ночью**, и кто-то бегаёт по дому, шумит, а не уходит, это его дом. Потом брат поставил стакан портвейна и хлеб на печку, и больше его [домового] не было (Ничково; Материалы).*

Представление о том, что дух дома показывается человеку прежде всего ночью, распространено и в общеславянской традиции: «Как и вся нечистая сила, Д. (домовой – Д.М.) проявляет себя по ночам, когда занимается хозяйством» [Левкиевская 1999а: 122].

Чтобы поддерживать хорошие отношения с духом, хозяева дома должны задабривать его, оставлять для него пищу:

Вот у нас нынче у соседки было. Или тут кому потеряться, или чего. У неё шум такой был дома. Чё-то вот шум был. Ну потом она посвятила квартиру потом еду оставляла. Где-то печенинку, где-то можно суп немножко налить, хлебушка что-то, чай (Красновишерск; Материалы);

*Три года назад брат спал в старом доме, он слышал, что кто-то бегаёт, открывает двери по комнатам, чердаку. Домовой не уходит в новый дом, это его дом, он не может никуда уйти. Брат поставил стакан **портвейна**, кусок **хлеба**. Всё, ниче не стало (Верх-Язьва; там же).*

Кормление мифологического персонажа в славянской традиции является одним из способов его задабривания, которое также «включает в себя ласкательные и хвалебные имена, формулы вежливости, жертвоприношение, <...> “кумление” и др.» [Левкиевская 1999б: 244].

О формулах-апотропеях (формулах вежливости) следует сказать подробнее, поскольку они достаточно часто применяются жителями Красновишерского района при коммуникации с духом дома. Такие «формулы используются в различных ситуациях: при переезде в новый дом, повторной женитьбе, вводе новой жены в дом, покупке скотины, причинении домовым вреда человеку» [Межевая 2018: 122]. В мифологических рассказах Красновишерского района упоминается только одна ситуация, в которой используются формулы-апотропеи, – переезд в новый дом:

Говорит: «Иди с сумкой, ну можешь в квартиру не заходить, возле забора стой и говори: “Соседушко-батюшко, меня прости, я не знала. Пойдём на новую квартиру”» (Красновишерск; Материалы); У нас есть пословица, когда в новую избу переходишь: «Сусед-суседушка, пойдём на новую квартиру, бу-

дешь дом стеречь и хозяина беречь» (Красновишерск; ВС: 28);

У каждого есть суседушко или суседиха. Когда переезжали, старики-то нас научили. Велят открыть голбец и сказать: «Сусед и суседиха, идите с нами жить». Если не вызовешь, он будет обижаться, и плохо будем жить (Усть-Говоруха; Материалы).

Формулы-апотропеи имеют четкую структуру, обязательными элементами которой являются: обращение к духу, «сказуемое с динамическим значением (выражено глаголом повелительного наклонения единственного и множественного числа или формой вежливости) и различного рода обстоятельства, преимущественно места и цели действия» [Криничная 2004: 232]. Обращения часто включают в себя две части, одной из которых являются номинации персонажа, а другой – термины родства (*соседушко-батюшко, суседушко-матушко, суседушка-браток, суседушка-братанушка*). Использование в составе обращений к духам терминов родства связано с тем, что в рамках традиции наблюдается «некий параллелизм в отношениях человека и домашних животных и мифологических хозяев и людей» [Качинская 2015: 17]. Все домочадцы признают главенство духа-«хозяина» дома как «отца» [там же].

В мифологических рассказах Красновишерского района очень часто фиксируются представления о действиях и функциях духа дома. Отметим, что их нужно четко отличать друг от друга. «Под действием следует понимать приписываемую данному персонажу способность совершать тот или иной поступок, а под функцией – такое действие, которое имеет конкретную прагматику, иллюкутивную цель, ради достижения которой персонаж совершает это действие» [Виноградова 2016: 119].

Действия домового, согласно схеме характеристики мифологического персонажа Л.Н. Виноградовой [Виноградова 2016], можно разделить на три группы: акустические проявления, знаки и следы присутствия, типичные занятия [Виноградова 2016: 63–64]. Так, согласно представлениям жителей Красновишерского района, домовый проявляет свое присутствие посредством шума, в том числе шума при просеивании муки или шума при передвижении по дому:

Мы приехали на новую квартиру три года назад. Бывало, придёшь домой ночью, и кто-то бежит по дому, шумит, а не уходит, это его дом. Потом брат поставил стакан портвейна и хлеб на печку, и больше его [домового] не было (Верх-Язьва; (Материалы);

Чую, что суседиха муку сеет. Сеет, сеет, сеет... Че-ко похлопает-похлопает – опять сеет. Я голову подняла – послушала, опять легло. Нет, всё сеет! Я

соскочила, одеяло схватила и на баз ушла, легла спать (Ратегова; Материалы);

Три года назад брат спал в старом доме, он слышал, что кто-то бежит, открывает двери по комнатам, чердаку (Верх-Язьва; Материалы).

Что касается типичных занятий духа, то домовый, по славянским представлениям, «выполняет все хозяйственные работы: вздувает и поддерживает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ездит за водой, ухаживает за скотом (рус., бел., в.-укр.)» [Левкиевская 1999а: 122]. Жители Красновишерского района как типичные занятия домового указывают просеивание муки и прядение пряжи:

Сусидиха, домовая жила, муку сеяла. Бабушка утром муку сеяла. Слышу – сеет. Двери открыл: решето на стол бах – никого. В доме, видимо, живёт (Акчим; Материалы);

Однажды такое было: сижу вечером дома одна, а в подвале слышится такой звук, будто крутится веретено. Пошла, спустилась в голбец, заглянула туда, а там сидит старая-престарая седая старуха со свечкой и прядёт (Верх-Язьва; Материалы).

Отметим, что представления о звуковых проявлениях присутствия домового и о типичных занятиях фиксируются и в других регионах и являются элементом общеславянских представлений. Так, Л.Н. Виноградова, анализируя тексты Полесья, пишет, что домовый в этой мифологической традиции тоже может обнаруживать себя через различные звуки [Виноградова 2000: 283].

Что касается функций домового, то Л.Н. Виноградова и С.М. Толстая разделяют их на три группы: вредить, помогать, наказывать [Виноградова, Толстая 1994: 50]. Рассмотрим, как реализуется каждая из данных функций в мифологических текстах Красновишерского района.

Функция причинения вреда проявляется в том, что домовый давит, душит человека:

Потом уже меня суседко давил. Надо мной это уже все было. Как я просвталась, меня всё, видно, суседко давил. И так суседко давит – ни рукой, ни ногой не могу пошевелить. Уж-от есть, а я сказать ничё не могу. Дышать только можешь вот ведь (Ратегова; Материалы);

А один раз суседко меня давил. Я спал, спал, а он на меня напал и давай пичкать меня. А если бы я не очухался, то конец бы мне был (Говорливое; ВС: 28).

Функция помощи человеку проявляется в том, что персонаж заплетает гриву лошадям и предсказывает будущее (давит, показывается человеку, прядет и т. п.)²:

[Ну такое было?] *Было, коням заплетали гриву* (Красновишерск; Материалы);

А вот один раз суседка меня горой давила. Вздохла два раза: «Фу-фу». А перед войной у меня родилась девочка. Хозяина на войне убило, и дочка помер-

ла. Вот и вышло, что соседка меня **давил** не к добру (Усть-Говоруха; Материалы);

Однажды такое было: сижу, значит, вечером дома одна, а в подвале слышится такой звук, будто крутится веретено. Пошла, значит, спустилась в голбец, заглянула туда, а там сидит старая-престарая седая старуха со свечкой и прядёт, я у неё спрашиваю: «Ты к чему мне **кажешься**, к добру или к худу?» А старуха помолчала и отвечает: «Сама увидишь». А потом хозяйина забрали (Верх-Язьва; Материалы);

У нас мама пряла. Прялку оставила, а ночью слышит, кто-то **прядёт**. Она говорит: «Не к добру ведь мне это». У её мужа убили в Германскую, пятеро детей осталось нас. А братья-то, четверо, поехали в Чердынь, сели на телегу и не приехали. Она со мной одной осталась (Бахари; Материалы).

Функция наказания жильцов дома выражается в том, что домовая вредит человеку и его хозяйству, если он не зовет духа дома с собой при переезде:

Когда переезжали, старики-то нас научили. Велят открыть голбец и сказать: «Сусед и суседиха, идите с нами жить». Если не вызовешь, он будет обижаться, и плохо будем жить (Усть-Гов.; Вишерская старина: 27-28).

Итак, комплекс народных верований о духе дома, отраженных в мифологических рассказах Красновишерского района Пермского края, является достаточно развитым и включает в себя большое число общерусских и – шире – общеславянских представлений. К таким представлениям можно отнести:

- наличие номинаций *домовой*, *сусед*, *суседка*, *суседиха*;
- представления об облике домового (чаще антропоморфном, реже – зооморфном);
- верования о наличии в доме сразу двух духов, один из которых имеет мужскую ипостась, а другой – женскую, которые иногда встречаются на рассматриваемой территории;
- представления о местах обитания домового (*голбец*, *чулан*, а также баня – в последнем случае, на наш взгляд, следует говорить о слиянии в красновишерской традиции образов домового и банника);
- поверья о времени появления духа дома (полночь);
- веру в необходимость задабривания духа дома, что проявляется в оставлении на ночь жителями района пищи для духа, произнесении ими апотропейных формул при переезде в новый дом;
- представления об основных действиях домового – звуковых проявлениях присутствия духа дома и о его типичных занятиях (просеивание муки и прядение);
- поверья об основных функциях домового: вредить, помогать, наказывать; при этом

главной функцией духа дома в мифологической традиции Красновишерского района становится вредоносная, реализуемая в таких действиях, как *запутывать пряжу*, *давить/душить человека* (отметим, что последнее из перечисленных действий также может восприниматься как способность духа дома предсказывать будущее, в этот случае оно реализует вторую функцию рассмотренного мифологического персонажа – помогать).

Наряду с общеславянскими представлениями о духе дома в мифологической традиции Красновишерского района Пермского края существуют народные верования, отраженные в текстах только данной местности. Так, носители традиции могут называть духа дома *барабашкой*. Появление подобной номинации может свидетельствовать о влиянии СМИ на сознание информантов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-312-00140 мол_а «Разработка принципов представления мифологической лексики в электронном словаре (на материале мифологических текстов Пермского края)».

² Отметим, что в работе Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой предсказание домовым будущего не включается ни в одну из трёх указанных функций, а относится к прочим предикатам [Виноградова, Толстая 1994]. Мы же относим это действие персонажа к функции помощи человеку.

Список источников

ББ – Бьлички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Пермск. книжн. изд-во, 1991. 412 с.

ВС – Вишерская старина: сб. фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района Пермской области / сост. Н.В. Жданова, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 100 с.

Материалы – Материалы, находящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. И.И. Русинова) и в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. С.Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Список литературы

Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М: Индрик, 2000. 432 с.

Виноградова Л.Н. Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016. 384 с.

Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М: Наука, 1994. С. 16–44.

Гарина А.В. Названия коми-пермяцких мифологических персонажей: словообразовательный аспект // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 198–202.

Гранова М.А. Есть ли дом у лешего? (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Филология в XXI веке. Пермь, 2018. Вып. 1(1). С. 142–149.

Гура А.В. Кошка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 637–640.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская: Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского. Пермь: Пермск. книжн. изд-во, 2006. 224 с.

Качинская И.Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2(30). С. 16–26.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Кротова-Гарина А.В., Русинова И.И. Функции

и действия духа дома (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов) // Филология в XXI веке. Пермь, 2018. Вып. 1(1). С. 162–171.

Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 120–124.

Левкиевская Е.Е. Задабривать // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2: Д (Давать) – К (Крошки). С. 244–246.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.

Левкиевская Е.Е. Подпол // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). С. 103–106.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука. 1975. С. 194.

Межевая Д.А. Лексические единицы, обозначающие духа дома в мифологических текстах Пермского края // Социо- и психоллингвистические исследования. 2018. Вып. 6. С. 119–123.

Русинова И.И., Гранова М.А. «Гардероб» лешего (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Научный диалог. 2018. Вып. 10. С. 130–147.

Русинова И.И., Шкурятков Ю.А. Мотивы передачи/получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Вып. 4 (10). С. 59–69.

THE BOGGART IN MYTHOLOGICAL TRADITION OF KRASNOVISHERSKY DISTRICT OF PERM KRAI

Daria A. Mezhevaya

Lecturer, Department of Russian Literature
Perm Petersburg State University

The article analyzes the mythological tradition of the Krasnovishersky district of the Perm Krai and describes particular features of local beliefs about the boggart. The study revealed that the set of ideas about the boggart reflected in local mythological stories is characterized by sufficient preservation and great similarity with general Slavic beliefs. This similarity is demonstrated by the fact that local Russian dialects include general Slavic names of the boggart, as well as by the notions of its appearance, major functions and activities. However, mythological texts of the Krasnovishersky district include another name of the boggart – *barabashka* – which does not refer to the group of general Slavic nominations and shows some specific features of this local tradition.

Keywords: Perm krai; Krasnovishersky district; Russian dialects; folk demonology; mythological character; boggart.